

4. Козлітін В. Д. Основні напрями світових глобалізаційних процесів кінця ХХ – початку ХХІ ст. / В. Д. Козлітін // 36 наук. праць. Серія «Історія та географія». – 2004. – Вип. 17. – С. 26–31.
5. Маляренко В. Т. Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: монографія / В. Т. Маляренко. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – 514 с.
6. Смілик А. С. Правослухняність як вияв правового виховання й культури особи / А. С. Смілик // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Юриспруденція. – 2016. – Вип. 19. – С. 31–34.
7. Требін М. Українська правова культура реалії та перспективи / М. Требін // Гілея. Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки: Наук. вісник: зб. наук. праць. – 2011. – Вип. 47 (5). – С. 1–14.

УДК 343.2.01

КОЦЮБИНСКАЯ Алена

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ: «УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН», «УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО», «ЗАКОН ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Название статьи указывает на достаточно амбициозную цель научного исследования – проанализировать соотношение трех понятий, которые достаточно часто встречаются как в уголовном законодательстве, так и уголовно-правовой доктрине. Принимая во внимание тот факт, что автор отдает предпочтение категории «уголовный закон», сравнительный анализ указанных категорий будет представлен в парном сочетании, где понятие уголовного закона сравнивается вначале с уголовным законодательством, а затем и с законом об уголовной ответственности.

В первую очередь обратим внимание на соотношение понятий уголовного закона и уголовного законодательства. К сожалению, в уголовно-правовой науке и некоторых нормативно-правовых актах данные понятия рассматриваются как тождественные, как категории синонимического ряда. Так, в частности, в статьях 3 – 8 УК Украины речь идет о «законе об уголовной ответственности», однако в названии и части 1 ст. 3 УК Украины используется понятие «законодательство об уголовной ответственности». Также о деяниях «предусмотренных уголовным законодательством» идет речь в частях 1 и 3 ст. 67 Кодекса торгового мореплавания Украины [1]. Упоминается о «случаях предусмотренных уголовным законодательством Украины» и в ч. 4 ст. 33 Закона Украины «О внешнеэкономической деятельности» [2].

Представляется, что в указанных выдержках из различных законодательных актов не проводится разграничение между понятиями «уголовный закон» и «уголовное законодательство». Таковую позицию нельзя признать обоснованной в силу следующих аргументов.

Во-первых, в теории права на протяжении последних десяти лет ученые отказались от анализа понятия закон в узком и широком смысле, при котором в узком смысле под законом понимают один нормативно-правовой акт, а в широком – совокупность актов регулирующих определенные общественные отношения. Во избежание путаницы в теории права в первом случае речь идет о нормативном акте с именовани-ем его в единственном числе, а во втором, о законодательстве, которое представляет собой совокупность минимуму двух законов. Более того, сегодня к системе законодательства относят и нормативно-правовые акты подзаконного характера, которые в совокупности с законами представляют собой систему национального законодательства.

Во-вторых, аналогичные рассуждения приведены и в решении Конституционного Суда Украины [3], который в частности указал, что «термин законодательство достаточно широко используется в правовой системе в основном в значении совокупности законов и иных нормативно-правовых актов, которые регулируют ту или иную сферу общественных отношений и являются источниками определенной отрасли права... В законах в зависимости от важности и специфики общественных отношений которые регулируются, этот термин используется в разных значениях: в одних имеются ввиду только законы, а в других, в первую очередь кодифицированных, в понятие «законодательство» включаются как законы, так и иные акты Верховной Рады Украины, акты Президента Украины, Кабинета Министров Украины, а в некоторых случаях – также и нормативные акты центральных органов исполнительной власти... Элементом национального законодательства также, в соответствии со ст. 9 Конституции Украины, являются действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дала Верховная Рада Украины». Таким образом, Конституционный Суд Украины сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой понятие «законодательство» представляет собой определенную совокупность нормативно-правовых актов – или только законов, или к ним присоединяются и иные нормативно-правовые акты, но всегда это более одного нормативно-правового акта.

Однако данные выводы не нашли своего закрепления в действующем УК Украины, поскольку название статьи 3 «Законодательство Украины об уголовной ответственности» свидетельствует об отождествлении целого (законодательство) и части (закон), что не является допустимым ни с точки зрения философии и логики, ни с позиции общепризнанных взглядов на источники права.

В связи с указанным представляются не лишними смысла рассуждения практиков, которые отмечают, что «если в сфере регулирования гражданских правоотношений наравне с Гражданским кодексом дейст-

вуют и другие кодексы и законы, и даже подзаконные акты, то сфере определения преступления и наказания УК имеет монопольное положение. Поэтому, считаем, что для использования термина «уголовное законодательство» нет никаких оснований» [4, с. 55].

Необходимо признать, что использование термина уголовное законодательство не лишено смысла только в том случае, когда помимо уголовного кодекса имеются и иные источники уголовного права. В частности, рассмотрим вопрос отнесения к источникам уголовного права международных договоров ратифицированных Украиной в установленном законом порядке.

По мнению представителей данной позиции существование международных договоров, в которых определяется преступность деяния и уголовная ответственность за его совершение, только внешне противоречит положению Конституции Украины (п. 22 ч. 1 ст. 92) в котором устанавливается, что исключительно законами Украины определяется деяния, которые являются преступлениями и ответственность за них. Поскольку, по мнению авторов, законодатель, указывая на исключительную компетенцию законов решать определенный перечень вопросов, тем самым хотел подчеркнуть, что эти вопросы не должны разрешаться иными нормативно-правовыми актами, имеющими меньшую юридическую силу. В то же время, регулирование их актами, имеющими большую юридическую силу (в частности международными договорами, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины и решением Конституционного Суда Украины, которые касаются конституционности уголовных законов) не противоречит Конституции [5, с. 89–90].

В высказанной автором позиции есть свои плюсы, но есть и минусы. В первую очередь, сложно не согласиться с автором, который указывает на то, что в практике формирования международного права достаточно часто используется юридическая техника, в соответствии с которой в текст международных договоров включаются нормы, содержащие указание на то, какие деяния являются преступными, и какая ответственность наступает за их совершение. Так в Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года, а точнее в ст. 7 определяется, что преступность деяния может быть установлена не только национальными законами, но и международным правом, в том числе и общими принципами права, признанными цивилизованным обществом. Однако, на наш взгляд, не отрицая тот факт, что в некоторых международных договорах действительно содержатся нормы, за которыми может быть признан уголовно-правовой характер, очень спорным является позиция, в соответствии с которой они подлежат прямому применению. Тем более сложно согласиться с высказанной точкой зрения о более значительной

юридической силе международных договоров по отношению к кодексам.

В своих рассуждениях мы исходим из того, что договоры являются самостоятельным источником права, наравне с прецедентами (речь идет о тех правовых семьях, где прецедент признается самостоятельным источником права), правовым обычаем и конечно нормативно-правовым актом.

В связи с этим представляется нецелесообразным определять юридическую силу различных по своей природе источников права, иначе мы станем перед дилеммой выяснения приоритетности между обычаем и нормативно-правовым актом, особенно учитывая то обстоятельство, что нормативный акт принимает органами государства, а обычай формируется в социальной среде, а значит, в его возникновении принимает непосредственное участие народ, который, как известно, является единственным источником государственной власти. Приведенный пример рассуждений о наличии большей или меньшей юридической силы у тех или иных источников права свидетельствует только о том, что ее замер недопустим, поскольку источники права являются однопорядковыми.

Так может ли рассматриваться международный договор в качестве самостоятельного элемента уголовного законодательства?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос отрицательный. Подписание и ратификация международного договора накладывает на Украину обязанность имплементировать положения договора в национальное законодательство, но не признавать в качестве акта, имеющего юридическую силу большую, чем закон. Тем более, когда речь идет об уголовном законе. В качестве положительного примера решения данной проблемы можно привести ситуацию, которая сложилась с ратификацией международных конвенций направленных на борьбу с наркотизмом [6]. Основные обязательства, принятые Украиной были воплощены в УК Украины, сохраняя при этом единственный источник уголовного права. На наш взгляд, многообразие источников (форм) уголовного права недопустимо в силу необходимости обеспечения единообразного применения уголовного закона.

Теперь обратимся к анализу соотношения понятий «уголовный закон» и «закон об уголовной ответственности», которые также встречаются в УК Украины. Так, в Разделе II, который называется «Закон об уголовной ответственности» объединяется группа статей, в которых содержатся правовые предписания о порядке действия УК Украины (выступающий, в соответствии со ст. 3, единственным структурным элементом законодательства об уголовной ответственности) а также некоторые положения определяющие соотношение уголовного права Украины с актами другими государств той же направленности.

Такое использование понятия «закон об уголовной ответственности» вызывает ряд, на наш взгляд, вполне обоснованных возражений.

Во-первых, в Общей части УК Украины решается ряд вопросов, наличие которых не дает возможность отнести их к положениям, касающимся уголовной ответственности. Так, нормы регулирующие порядок применения принудительных мер воспитательного и медицинского характера, принудительного лечения вряд ли можно отнести к формам реализации уголовной ответственности, что достаточно убедительно доказывают криминалисты [7, с. 172–177]. На основании изложенного можно сделать только один логичный вывод о том, что законом об уголовной ответственности можно признать только Особенную часть УК Украины.

Во-вторых, в Особенной части УК Украины, на первый взгляд, действительно содержатся нормы, которые определяют преступность деяния и ответственность за его совершение. Однако и это положение не всегда справедливо. Так в санкциях некоторых статей указываются меры, которые по своей природе не могут быть отнесены к формам реализации уголовной ответственности. Так, в ст. 286 УК Украины «нарушение правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта лицами, которые управляют транспортными средствами» законодательством предусмотрено лишение права на управление транспортными средствами, которое не относится к форме реализации уголовной ответственности [8, с. 255]. Таким образом, напрашивается вывод, что даже и об Особенной части УК Украины говорить как о законе об уголовной ответственности, не всегда справедливо.

На основании изложенного можно сделать вывод, что «закон об уголовной ответственности» является своего рода юридической фикцией – искусственно созданным понятием, использование которого не обоснованно и представляется недопустимым с точки зрения содержания, которое ему приписывается. Нагромождения лишних юридических конструкций в данном вопросе только усложняет процесс применения уголовного закона, порождает сомнения в правильности выбора правовой нормы. Следовательно, без ущерба содержательной составляющей нам представляется возможным рекомендовать законодателю заменить используемый в Разделе II термин «закон об уголовной ответственности» на «уголовный закон», что будет полностью соответствовать букве и духу [9, с. 122–124] уголовного права.

Л и т е р а т у р а :

1. Кодекс торговельного мореплавства України від 23 травня 1995 року // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – №47. – Ст. 349.
2. Про зовнішньоекономічну діяльність: Закон України від 16 квітня 1991 року // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – №29. – Ст. 377.

3. У справі за конституційним зверненням Київської міської ради професійних спілок щодо офіційного тлумачення частини третьої статті 21 Кодексу законів про працю України (справа про тлумачення терміну «законодавство»): Рішення Конституційного Суду України від 9 липня 1998 року //Офіційний вісник України. – 1998. – №22. – Ст. 1209.
4. Ромоновська З. В. Проект Кримінального кодексу України очима цивіліста / З. В. Ромоновська //Вісник Верховного Суду України. – 1999. – №6. – С. 55.
5. Пономаренко Ю. А. Вплив Європейської конвенції про міжнародну дійсність кримінальних вироків на національний кримінальний закон України / Ю. А. Пономаренко // Підприємництво, господарство і право. – 2003. – №7. – С. 88–92.
6. Україна в міжнародно-правових відносинах. Боротьба із злочинністю та взаємна правова допомога (книга перша): 3б. документів укр. та рос. мовами / Упорядники: В. Л. Чубарев, А. С. Мацько. – Київ, 1996. – С. 94–446.
7. Козаченко О. В. Інституційне визначення лікувальних заходів //Вісник прокуратури, 2006, №2. – С. 89–94; Козаченко О. В. Теоретичне визначення поняття та меж застосування кримінально-правових заходів. // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Одеса, 2005. – С. 172–177.
8. Козаченко О. В. Кримінально-правові заходи: культуро-антропологічний вимір: монографія / Олександр Васильович Козаченко. – Миколаїв: Іліон, 2011. – 504 с.
9. Козаченко О. В., Мусиченко О. М. Культуро-антропологічний вимір справедливості кримінально-правового впливу: світові здобутки та національні надбання / Гуманітарний дискурс: політика, управління, влада: колективна монографія / за заг. ред О. А. Івакіна, І. В. Шамши, Д. В. Яковлева. – Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2015. – С. 120–135.

УДК 343.2/.7(091)

НІКІТЕНКО Анастасія

ІСТОРІЯ СТАНОВЛЕННЯ КРИМІНАЛЬНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЗА ПОДАТКОВІ ЗЛОЧИНИ

Аналізуючи історію державотворення та формування правової системи, можемо відмітити, що фінансова система та податки є однією з ознак держави загалом, і дослідженню історії оподаткування в Україні слід приділити особливу увагу. Сплата податків завжди була одним із головних обов'язків людини громадянина. Але також слід звернути увагу і на те, що встановлення податків передбачало також і встановлення певної реакції держави за їх несплату, в тому числі і кримінальну відповідальність. Саме це стало причиною формування категорії податкових злочинів та встановлення кримінальної відповідальності за податкові злочини.

Історія системи оподаткування України розпочинається з часів Київської Русі. Першим податком на території України вважається данина, що сплачувалась насамперед продуктами господарства й була направлена лише на утримання княжого двору. Проте у часи Київської Русі нестабільність розмірів податків, періодичність їх збору та свавілля поборів призводило до зловживання посадовими, уповноваженими особами, що